

СТРУКТУРА ИМЕННОЙ ГРУППЫ В БЕЗАРТИКЛЕВЫХ ЯЗЫКАХ: УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ И ВАРИАТИВНОСТЬ*

© 2015 г. **Екатерина Анатольевна Лютикова^{a,б,в},
Ася Михайловна Перельцвайг^в**

^a МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, 119991, Россия; ^б МГУ им. М. А. Шолохова, Москва, 109240, Россия; ^в Стэнфордский университет, Стэнфорд, США; ^в lyutikova2008@gmail.com

Статья посвящена вопросу о наличии в именных группах безартиклевых языков функциональной проекции DP (Determiner phrase, группы определителя). Опираясь на материал татарского языка, мы показываем, что внутриязыковая категоризация именных групп является предметом параметризации: некоторые, но не все именные составляющие представляют собой DP. Эта гипотеза позволяет объяснить различное поведение именных групп двух типов в ряде синтаксических контекстов, в том числе в позиции прямого дополнения, для которого характерно вариативное падежное маркирование. Мы полагаем, что аккумулятивные дополнения представляют собой DP, а немаркированные дополнения лишены соответствующей функциональной оболочки. Такой подход делает лучшие предсказания о поведении языкового материала по сравнению с представленными в литературе подходами, опирающимися на семантические или позиционные свойства объекта.

Ключевые слова: структура именной группы, вариативное маркирование объекта, татарский язык, универсальная грамматика

NOUN PHRASE STRUCTURE IN ARTICLELESS LANGUAGES: UNIVERSALITY AND VARIATION

Ekaterina A. Lyutikova^{a,б,в}, Asya Pereltsvaig^в

^a Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russia; ^б Sholokhov Moscow State University for the Humanities, Moscow, 109240, Russia; ^в Stanford University, Stanford, USA; ^в lyutikova2008@gmail.com

This article is concerned with the issue of the presence of the DP projection in languages lacking articles, such as Tatar. Contrary to both the «Universal DP» and «Parameterized DP» views, we propose that some but not all noun phrases in Tatar are DPs. We show that this hypothesis accounts for clustering of properties of noun phrases in a number of syntactic positions, including the direct object position, which in Tatar exhibits the Differential Object Marking phenomenon. We argue that accusative objects are structurally DPs, whereas unmarked objects are Small Nominals (i. e. lack the DP projection). We show that this account explains the Tatar facts better than an analysis based on either semantic or positional properties of the object.

Keywords: DP structure, Differential object marking, Tatar, Universal grammar

* Работа Е. А. Лютиковой над статьей была поддержана Российским научным фондом (РНФ), проект № 14-18-03270 «Типология порядка слов, коммуникативно-синтаксический интерфейс и информационная структура высказывания в языках мира».

Авторы выражают искреннюю благодарность М. Бейкеру, П. В. Гращенкову и Ж. Корнфилт за заинтересованное и плодотворное обсуждение ряда аспектов данной статьи. Мы также глубоко признательны анонимным рецензентам, замечания которых позволили нам существенно уточнить и усилить аргументацию. Неоценимую помощь в сборе и анализе татарского материала нам оказали Д. Ш. Сулейманов, Р. Р. Жамалетдинова и А. М. Галиева.

1. Именные группы и универсальная грамматика

Вероятно, не будет большим преувеличением сказать, что важнейший вопрос, занимающий лингвистов с тех пор, как в лингвистику пришла идея о сравнении языков, касается проблемы общего и особенного в языке. С одной стороны, диапазон варьирования фонетических, грамматических и лексических средств, доступных конкретным языкам, заставляет задаться вопросом: «Почему языки такие разные?» С другой стороны, чем глубже и обширнее становятся наши знания о языковом разнообразии, тем отчетливее мы осознаем, что оно не безгранично и что за ним стоят универсальные принципы, регулирующие возможное и невозможное в естественном языке. В этот момент возникает второй вопрос: «Почему языки такие одинаковые?»

Основная рабочая гипотеза, принимаемая как при функционально-типологическом, так и при формально-ориентированном подходе, состоит в том, что на естественный язык накладываются определенные ограничения, имеющие вид абсолютных универсалий (принципов) или увязывающие между собой различные параметры (имплицативные универсалии, иерархии, прототипы и др.). В совокупности эти ограничения формируют возможный естественный язык, в частности возможную грамматику естественного языка (универсальную грамматику). Языковое варьирование доступно лишь в тех рамках, которые задаются ее параметрами.

В этой статье мы обратимся к проблеме языкового варьирования в синтаксической структуре именной группы (ИГ). Разнообразии структурных вариантов ИГ в пределах одного языка и в языках мира ставит вопрос, в какой степени эти структурные варианты представляют собой реализацию универсальной модели. Универсален ли набор синтаксических категорий, задействованных в деривации именных конструкций, или он является предметом межязыкового варьирования? Существует ли универсальное соответствие между синтаксическими категориями и их семантическими интерпретациями? Коррелируют ли синтаксические категории с определенными наборами формальных признаков и какие из этих признаков являются конституирующими для данной синтаксической категории?

Наиболее известной универсалистской гипотезой в области формальной типологии именных групп является предположение, что иерархическая структура ИГ, где группа лексического существительного вложена в некоторое количество функциональных проекций, предопределяющих ее референциальные и количественные характеристики, является компонентом универсальной грамматики. В частности, эта гипотеза предполагает, что, несмотря на отсутствие во многих языках грамматической категории артикля, ИГ в этих языках (по крайней мере некоторые) представляют собой группу определителя (*Determiner phrase*, DP).

Научные дебаты, связанные с универсальностью DP, были в основном сосредоточены на данных славянских языков. Сторонники DP в славянских языках ([Progovac 1998; Engelhardt, Trugman 1998; Rutkowski 2002] и др.) аргументируют точку зрения, в соответствии с которой, несмотря на отсутствие в безартиклевых языках лексических единиц, непосредственно соотносимых с артиклями, именная группа имеет иерархическую структуру, так что группа лексического существительного (NP) вложена по меньшей мере в одну функциональную оболочку (DP), отвечающую за референциальные свойства именной группы и содержащую лексические единицы, создающие соответствующие интерпретации. Для противников гипотезы об универсальности DP [Zlatić 1997; Trenkić 2004; Bošković 2005; 2008; 2009; 2012; Willim 1998; 2000] наличие/отсутствие в языке категории артикля представляется синтаксическим параметром, задающим структурный тип ИГ. Соответственно, они полагают, что в отсутствие типичных представителей категории D — артиклей — такая синтаксическая категория в языке не представлена, а лексические единицы, кодирующие определенность, референтность и т. п., располагаются в проекции лексического существительного (NP) и имеют соответствующие категории

(например, прилагательные). Таким образом, в безартиклевых славянских языках референциальная семантика оказывается лишена синтаксической репрезентации в виде специальной функциональной проекции.

В серии работ А. Перельсвайг [Pereltsvaig 2006; 2007; 2013a; 2013b; 2013c] проводится мысль о внутриязыковой параметризации ИГ в отношении проекции DP: именные группы полной структуры образуют DP, в то время как именные группы неполной структуры (Small Nominals, SN) проецируют группу лексического существительного (NP) и, возможно, некоторые промежуточные функциональные группы, например количественную группу (NumP). Такая типология позволяет объяснить регулярно воспроизводящуюся в разных языках и в разных синтаксических позициях совокупность синтаксических и семантических свойств, характеризующих различающиеся богатством функциональной структуры именные группы. Так, лишённые проекции DP именные группы обычно синтаксически инертны (неспособны контролировать анафору и PRO — нулевое подлежащее нефинитной клаузы), морфологически ущербны (не имеют полной падежной парадигмы, недоопределены в отношении категорий числа, лица) и семантически ограничены (имеют только узкую сферу действия, не допускают коллективной интерпретации и др.). Этот подход был успешно использован применительно к русскому [Pereltsvaig 2006; Kagan, Pereltsvaig 2011; Лютикова 2010] и адыгейскому [Тестелец 2014] материалу.

Настоящая статья представляет новые аргументы в пользу гипотезы об универсальности структуры ИГ и внутриязыковой параметризации функциональной структуры, доминирующей над группой лексического существительного. Эти аргументы базируются на материале татарского языка¹ — представителя тюркской языковой семьи, члены которой единообразно являются безартиклевыми. Хотя дискуссия об универсальности DP на тюркском материале не столь представительна, как на славянском, следует упомянуть, что по крайней мере один из языков этой группы — турецкий — удостоился двух прямо противоположных трактовок. С одной стороны, турецкие данные были использованы в диссертации С. Эбни [Abney 1987] как доказательство особого статуса посессора в ИГ и его расположения в особой функциональной проекции — DP. С другой стороны, в недавней статье [Bošković, Şener 2014] на основании ряда свойств, которые турецкий язык разделяет с другими безартиклевыми языками, он был отнесен к NP-языкам. В этой связи обсуждение татарских данных представляет очевидный интерес.

Здесь мы покажем, что в татарском языке можно выделить несколько классов ИГ на основании их синтаксических и интерпретационных характеристик. Мы считаем, что основанием для этой таксономии является категориальный статус ИГ: наряду с группой лексического существительного (NP), в татарском языке возможны также промежуточные функциональные проекции (группа числа NumP, посессивная группа PossP) и максимальная именная проекция — DP. Соответственно, мы принимаем подход, согласно которому категория DP является универсальной в межъязыковом аспекте, но параметрической — во внутриязыковом аспекте: во всех языках есть DP, но не все ИГ некоторого языка (в том числе и артиклевого) являются DP.

В статье мы аргументируем тезис, что в татарском языке различные синтаксические конфигурации предполагают именные составляющие разного структурного статуса. Более того, такой морфосинтаксический феномен, как вариативное маркирование объекта (Differential object marking, DOM) в татарском языке — в отличие от турецкого или якутского — возможно объяснить только в терминах категориального статуса ИГ в позиции прямого дополнения: DP получает аккузатив и маркируется соответствующим показателем (1a), в то время как ИГ меньшей структуры — NP или NumP — остаются беспадёжными (1б).

¹ Данные, полученные нами в ходе полевой работы, относятся к мишарскому диалекту татарского языка, однако они не противоречат грамматическим описаниям, текстовым примерам и суждениям носителей, относящимся к литературному татарскому языку.

- (1) а. Алсу [_{DP} алма-ны] аша-ды.
Алсу яблоко-АСС есть-РСТ
'Алсу съела яблоко'.
- б. Алсу [_{NP/NumP} алма] аша-ды.
Алсу яблоко есть-РСТ
'Алсу съела яблоко / яблоки'.

Соответственно, для татарского языка мы отвергаем альтернативные анализы DOM, основывающиеся на различных структурных позициях аккузативного и немаркированного объекта (как предлагается в [Baker, Vinokurova 2010] для якутского) или на различных семантических признаках объекта (как предлагается в [Еңç 1991] для турецкого). Обобщая эту гипотезу, мы предполагаем, что только DP должны получать падеж, в то время как именные группы меньшей структуры (SN) не нуждаются в лицензировании посредством синтаксического падежа и могут оставаться морфологически беспаджными.

Таким образом, обсуждаемые в статье данные представляют интерес с нескольких точек зрения. Во-первых, они релевантны для типологии именных конструкций, в частности для внутригрупповой типологии тюркских языков. Во-вторых, они позволяют предложить новый аргумент в пользу гипотезы об универсальности DP и внутриязыковой параметризации категориального статуса ИГ; при этом следует отметить, что, в отличие от русских данных, обсуждаемых в [Pereltsvaig 2006], где DP и ИГ малой структуры варьируют во всех рассматриваемых позициях, для татарского языка выявляются синтаксические контексты, избирательные и неизбирательные в отношении категориального статуса ИГ. В-третьих, материалы, представленные в статье, важны для дискуссии о дифференцированном падежном маркировании объекта в тюркских языках; они не только позволяют предположить для татарского языка новый параметр, регулирующий DOM — категориальную природу ИГ, но и переинтерпретировать предшествующие анализы DOM в якутском и турецком языках.

Статья имеет следующую структуру. В разделе 2 мы показываем, что именные группы в татарском языке могут иметь разный структурный статус: некоторые представляют собой DP, некоторые — SN. Раздел 3 посвящен анализу вариативного маркирования объекта в татарском языке в терминах структурных типов ИГ. В разделах 4 и 5 мы рассматриваем возможные альтернативы — семантическую и позиционную — и показываем их несостоятельность для анализа татарского материала. Заключает работу раздел 5.

2. Контексты и категории

Начать описание именной группы в татарском языке уместно с представления структуры именной словоформы. В примере (2) в ИГ 'в наших детских книгах' именная вершина несет на себе показатели числа (-лар), согласования с именным зависимым (-ыбыз) и падежа (-да). Мы предполагаем, что порядок следования аффиксов в именной словоформе отражает, в соответствии с зеркальным принципом (mirror principle [Baker 1985]), порядок вложения функциональных проекций в иерархической структуре именной группы (2б). В примере (2) NP, возглавляемая лексическим существительным, последовательно вложена в группу числа с вершиной -лар и посессивную группу, возглавляемую согласовательным показателем -ыбыз. Словоформу завершает падежный показатель -да.

- (2) а. без-нең бала-лар китап-лар-ыбыз-да
мы-GEN ребенок-PL книга-PL-1PL-LOC
'в наших детских книгах'
- б. [[без-нең бала-лар [[_{NP} китап] -лар] -ыбыз] -да]

Для уточнения структуры ИГ необходимо подробнее остановиться на именных зависимых: так, в (2) имеется два именных зависимых, но только один согласовательный показатель. В грамматических описаниях татарского языка (см., например, [Закиев (ред.)

1993; Закиев 1995; Гращенко 2007] выделяется три вида изафетных конструкций, т. е. конструкций, в которых именная составляющая является зависимой в другой именной группе: изафетная конструкция 1, 2 и 3 (ИК-1, ИК-2, ИК-3). Изафетная конструкция 1 образуется соположением зависимого и вершины (3а); в изафетной конструкции 2 вершина согласуется с зависимым (3б); наконец, в изафетной конструкции 3 зависимое выступает в форме генитива и имеет место согласование вершины с зависимым (3в).

- (3) а. агач өй
дереву дом
'деревянный дом'
- б. агач яфраг-ы
дереву лист-3
'древесный лист'
- в. агач-нын яфраг-ы
дереву-GEN лист-3
'лист (этого) дерева'

В примере (2) именные зависимые соответствуют двум изафетным конструкциям — ИК-2 (*балалар китаплары* 'детские книги') и ИК-3 (*безнең китапларыбыз* 'наши книги'). Одновременное выражение показателей ИК-2 и ИК-3 в одной словоформе в татарском языке невозможно. Однако этот факт не следует интерпретировать как структурное тождество двух изафетных конструкций, поскольку возможно одновременное присутствие в ИГ зависимых обоих типов. На наш взгляд, источник подобного ограничения скорее морфологический: только один набор лично-числовых показателей может быть выражен на именной вершине. Соответственно, мы предполагаем, что зависимые в ИК-2 и ИК-3 располагаются в разных функциональных проекциях, а показатель ИК-2 в примере (2) является нулевым. Таким образом, ИГ в (2) имеет иерархическую структуру (4б). В этой структуре группа лексического существительного (NP) последовательно вложена в группу числа (NumP), в группу ИК-2, которую мы обозначаем как посессивную (PossP), и, наконец, в группу ИК-3, которая соответствует максимальной именной проекции и для которой мы выбираем обозначение DP, как это представлено в (4в). Завершает деривацию именной группы (4а) присоединение падежного показателя, который можно трактовать как вершину группы падежа (KP) либо как экспонент падежного признака ИГ. Далее мы будем для простоты исходить из того, что падеж не образует собственной проекции, но является признаком DP.

- (4) а. без-нең бала-лар китап-лар-ыбыз-да
мы-GEN ребенок-PL книга-PL-1PL-LOC
'в наших детских книгах'
- б. [[без-нең [бала-лар [[NP китап] -лар] -∅] -ыбыз] -да]
- в. [(KP) [DP без-нең [PossP бала-лар [NumP [NP китап] -лар] -∅] -ыбыз] -да]

(4в) представляет максимальную иерархическую структуру нерекурсивной именной группы в татарском языке. Однако не все татарские именные группы включают все функциональные проекции. Наряду с DP, в ряде синтаксических контекстов мы обнаруживаем именные группы меньшей структуры, такие как PossP, NumP, NP; некоторые конструкции подчиняют неветвящуюся именную вершину (N). Ниже мы предполагаем обосновать это утверждение.

В татарском языке имеется как минимум две конструкции, в которых мы наблюдаем неветвящуюся именную вершину. Во-первых, это именной компонент сложных предикатов, например *булак иту* 'дарить', букв. 'подарок делать' (пример (5а)). Он не может содержать падежный показатель (5б), иметь статус именной проформы (5в), содержать показатель множественного числа *-лар* (5г) или какие-либо модификаторы (5д).

- (5) а. Эти-се Марат-ка машина-ны бүлэк ит-те.
отец-3 Марат-DAT машина-ACC подарок делать-PST
'Отец подарил Марату машину'.
- б. *Эти-се Марат-ка машина-ны бүлэк-не ит-те.
отец-3 Марат-DAT машина-ACC подарок-ACC делать-PST
- в. [Контекст: Марат попросил у отца подарок.]
*Эти-се Марат-ка машина-ны ул / аны ит-те.
отец-3 Марат-DAT машина-ACC он / он.ACC делать-PST
- г. *Эти-се Марат-ка машина(-лар)-ны бүлэк-лэр ит-те.
отец-3 Марат-DAT машина(-PL)-ACC подарок-PL делать-PST
- д. Эти-се Марат-ка машина-ны (*яхши / *бер / *теге) бүлэк ит-те.
отец-3 Марат-DAT машина-ACC хороший / один / этот подарок делать-PST

Во-вторых, примером неветвящейся именной вершины может служить зависимый элемент в ИК-1, которая используется в основном для обозначения материала (6а). Как и именной компонент сложных предикатов, он не может быть местоимением (6б), содержать показатель множественного числа (6в) или модификаторы (6г).

- (6) а. алтын йөзек
золото кольцо
'золотое кольцо'
- б. *ул / *аның йөзек
он / он.GEN кольцо
'кольцо из него'
- в. *таш-лар йорт
камень-PL дом
'дом из камней'
- г. *[чын алтын] йөзек
истинный золото кольцо
'кольцо из настоящего золота'

Следующая по размеру именная составляющая — группа лексического существительного NP — обнаруживается в контексте атрибутивизатора *-лы* (7). Так, именная составляющая — дополнение атрибутивизатора *-лы* не может быть местоимением (8а), содержать показатель множественного числа *-лар* (8б) или изафетный показатель (8в); но, в отличие от именного компонента сложного предиката или зависимого в ИК-1, она может ветвиться, допуская некоторые типы модификаторов (7). Обратим внимание, что NP *кара тап* [черное пятно] и *күк чәчәк* [синий цветок] в (7) нейтральны в отношении числа и допускают обе интерпретации: 'черное пятно' и 'черные пятна'; 'синий цветок' и 'синие цветы'.

- (7) а. кара тап-лы сыер
черный пятно-ATR корова
'корова с черным пятном / с черными пятнами'
- б. күк чәчәк-ле чашка
синий цветок-ATR чашка
'чашка с синим цветком / с синими цветами'
- (8) а. *ул-лы чашка
он-ATR чашка
'чашка с ним' (например, с этим рисунком)
- б. *күк чәчәк-ләр-ле чашка
синий цветок-PL-ATR чашка
'чашка с синими цветами'

- в. *бала рәсем-е-ле чашка
 ребенок рисунок-3-ATR чашка
 ‘чашка с детским рисунком’

Следующую по размеру составляющую, выявляемую на основании синтаксической селекции контекста, мы наблюдаем в позиции зависимого в ИК-2. В отличие от ИК-1, зависимый элемент в ИК-2 допускает ветвление и может содержать показатель числа *-лар* (9а). Более того, зависимая группа в ИК-2 может сама являться ИК-2 (9б). Однако существуют и ограничения на структурный статус зависимого в ИК-2: оно не может быть местоимением (9в) или именем собственным (9г). Таким образом, можно заключить, что зависимое в ИК-2 является именной группой малой структуры, а именно — PossP из схемы (4в).

- (9) а. кырсак-лы хатын-нар кием-е
 живот-ATR женщина-PL одежда-3
 ‘одежда для беременных женщин’
- б. бала-лар хастаханә-се табиб-ы
 ребенок-PL больница-3 врач-3
 ‘врач детской больницы’
- в. *мин дәфтәр-ем
 я тетрадь-1SG
 ‘моя тетрадь’
- г. *Зөфәр ата-сы
 Зуфар папа-3
 ‘папа Зуфара’ [Гращенко 2007: 84]

Наконец, максимальная именная проекция — DP — допустима во всех аргументных позициях; в пределах ИГ мы обнаруживаем DP в роли зависимого в ИК-3. Действительно, в ИК-3 мы не наблюдаем никаких ограничений на структуру зависимого: в частности, в этой позиции возможно и личное местоимение, и имя собственное (10а—б).

- (10) а. минем дәфтәр-ем
 я.GEN тетрадь-1SG
 ‘моя тетрадь’
- б. Марат-ның дәфтәр-е
 Марат-GEN тетрадь-3
 ‘тетрадь Марата’

Если зависимое в ИК-3 является DP, то ИК-3 сама по себе представляет собой DP, поскольку ИК-3 может выступать зависимым только в ИК-3, но не в ИК-2:

- (11) а. ИК-2:
 *[_{PossP} [_{DP} укучы-ның дәфтәр-ләр-е] папка-сы]
 ученик-GEN тетрадь-PL-3 папка-3
 ‘папка для тетрадей ученика’
- б. ИК-3:
 [_{DP} [_{DP} укучы-ның дәфтәр-ләр-е-нең] папка-сы]
 ученик-GEN тетрадь-PL-3-GEN папка-3
 ‘папка для тетрадей ученика’

Следует заметить, что DP может выступать и компонентом некоторых атрибутивизаторов. Выше мы видели, что морфема *-лы* не способна атрибутивизировать именные составляющие, большие, чем NP; однако другие атрибутивизаторы не столь избирательны в отношении своего зависимого. Так, например, атрибутивизатор *-гы* адъективирует локативную падежную форму DP.

- (12) а. [NP ...]-лы N
 б. [DP ...]ЛОС-гы N

Дополнением атрибутивизатора *-гы* могут выступать личные местоимения (13а), имена собственные (13б) и ИК-3 (13в). Как и следовало ожидать, максимальная именная проекция, вложенная под атрибутивизатор *-гы*, способна содержать все возможные модификаторы и показатель множественного числа *-лар* (13г).

- (13) а. миндә-ге яңалык-лар
 я.ЛОС-АТР новость-PL
 ‘имеющиеся у меня новости’
- б. Казан-да-гы Универсиада
 Казань-ЛОС-АТР универсиада
 ‘Универсиада в Казани’
- в. Марат-ның шәһәр-е-ндә-ге хастаханә
 Марат-GEN город-3-ЛОС-АТР больница
 ‘больница в (родном) городе Марата’
- г. бу китап-лар-ы-нда-гы тикшеренү-ләр
 этот книга-PL-3-ЛОС-АТР исследование-PL
 ‘исследования, содержащиеся в этих его книгах’

3. Структурный анализ DOM в татарском языке

В предыдущем разделе мы обосновали утверждение, что именные группы в татарском языке могут различаться с точки зрения функциональной структуры, доминирующей над группой лексического существительного. В данном разделе мы предполагаем показать, что эти различия предопределяют вариативное маркирование объекта (DOM). Наша гипотеза состоит в том, что аккузативный показатель оформляет только DP (14а), в то время как именные группы неполной структуры остаются немаркированными (14б)². Ниже мы представим данные, свидетельствующие в пользу предлагаемого анализа.

- (14) а. Алсу [DP алма-ны] аша-ды.
 Алсу яблоко-ACC есть-PST
 ‘Алсу съела яблоко’.
- б. Алсу [NP/NumP алма] аша-ды.
 Алсу яблоко есть-PST
 ‘Алсу съела яблоко / яблоки’.

Начнем с аргумента, связанного с сочинением. Как показывает (15а), аккузативное и немаркированное прямое дополнение не могут быть сочинены, что предположительно свидетельствует об их различном категориальном статусе. Если немаркированный объект предшествует аккузативному, как в (15б—в), конструкция грамматична, однако в таких примерах имеет место не сочинение немаркированного и аккузативного дополнений, а групповая флексия, использование которой в других падежах мы можем наблюдать в (15г—д).

² Анонимный рецензент справедливо отметил, что предлагаемый нами анализ может быть связан с определенными техническими трудностями, если исходить из традиционного генеративного анализа приписывания структурного падежа как следствия согласования источника падежа с ИГ-дополнением. Мы, однако, полагаем, что особенность структурного падежа состоит в том, что он может оставаться неприписанным, а признаки вершины-источника падежа при этом означиваться по умолчанию. В любом случае эта проблема неспецифична для данной конструкции татарского языка; например, в русском предложении *С каждого дерева упало по пять груш* дистрибутивная предложная группа *по пять груш* в позиции подлежащего не контролирует предикативное согласование и, по-видимому, не получает именительный падеж.

- (15) а. *Марат китап-ны һәм газет сат-ып ал-ды.
Марат книга-ACC и газета продавать-CONV брать-PST
'Марат купил (определенную) книгу и газету/газеты'.
- б. Марат [китап һәм газет]-не сат-ып ал-ды.
Марат книга и газета-ACC продавать-CONV брать-PST
'Марат купил (определенные) книгу и газету'.
- в. [татар тел-е һәм әдәбият-ы]-н уку-т-у программа-сы
татарин язык-3 и литература-3-ACC учить-CAUS-NMN программа-3
'программа обучения татарскому языку и литературе'
- г. [мәдәният һәм сәнгать]-кә битарафлык күр-сәт-ү
культура и искусство-DAT равнодушие видеть-CAUS-NMN
'проявление равнодушия к культуре и искусству'
- д. [бөтен-дөнья һәм Россия]-дә
весь-мир и Россия-LOC
'во всем мире и в России'

Следующий аргумент в пользу нашей гипотезы опирается на тот факт, что варьирование падежного оформления объекта (и, тем самым, минимальные пары типа (14а—б)) не всегда возможно. Аккузативный показатель обязательно оформляет те именные группы, которые по своему синтаксическому статусу или вследствие наличия в их составе определенных элементов ассоциируются с уровнем DP. Так, прямые дополнения, выраженные местоимениями (16а), личными именами (16б) и ИК-3 (16в), а также прямые дополнения, содержащие сильные кванторы, например *һәр* 'каждый' или *ике... дә* 'оба' (16г), и указательные местоимения (16д), обязательно получают падежное оформление:

- (16) а. Марат кем-*(не) күр-де?
Марат кто-ACC видеть-PST
'Кого увидел Марат?'
- б. Алсу Марат-*(ны) чакыр-ды.
Алсу Марат-ACC звать-PST
'Алсу позвала Марата'.
- в. Марат эти-се-нең машина-сы-*(н) сат-ты.
Марат отец-3-GEN машина-3-ACC продавать-PST
'Марат продал отцовскую машину'.
- г. Марат һәр бирем-*(не) чиш-те.
Марат каждый задача-ACC решить-PST
'Марат решил каждую задачу'.
- д. Марат бу машина-*(ны) сат-ып ал-ды.
Марат этот машина-ACC продавать-CONV брать-PST
'Марат купил эту машину'.

Наконец, третий аргумент в пользу структурного анализа DOM в татарском языке состоит в том, что немаркированные прямые дополнения демонстрируют набор синтаксических и семантических свойств, составляющих «профиль» именных групп неполной структуры, предложенный в [Pereltsvaig 2006; 2013c]. Во-первых, татарские немаркированные прямые дополнения не могут иметь индивидуализированную, специфическую, партиципную или анафорическую интерпретацию. Например, использование (17б), в отличие от (17а), в подразумеваемом анафорическую отсылку контексте неадекватно:

- (17) Контекст: У нас есть кошка и собака.
- а. Мин күбесенчә эт-не ярат-а-м.
я больше собака-ACC любить-PRS-1SG
'Я больше люблю собаку'.

- б. #Мин күбесенчэ эт ярат-а-м.
я больше собака любить-PRS-1SG
#‘Я больше люблю собак / (какую-то) собаку’.

Во-вторых, немаркированные прямые дополнения не могут иметь широкой сферы действия по отношению к другим кванторам (18а) или отрицанию (18б)³.

- (18) а. Һәр укучы ике китап укы-ды.
каждый ученик два книга читать-PST
‘Каждый ученик прочитал по две книги’ ($\forall > 2$, $*2 > \forall$).
 $\forall > 2$: для каждого ученика существует две книги, которые он прочитал
 $*2 > \forall$: существуют две книги, которые прочитал каждый ученик
- б. Марат ике китап укы-ма-ды.
Марат два книга читать-NEG-PST
‘Марат не прочитал (и) двух книг’ ($\text{Neg} > 2$, $*2 > \text{Neg}$).
 $\text{Neg} > 2$: неверно, что Марат прочитал две книги
 $*2 > \text{Neg}$: существуют две книги, которые Марат не прочитал

Хотя немаркированное прямое дополнение может содержать показатель множественного числа *-лар* и иметь в этом случае множественную семантику, при отсутствии показателя множественного числа немаркированное прямое дополнение демонстрирует числовую нейтральность (19а—б). Как отмечается в [Pereltsvaig 2013a; 2013b], факты такого рода свидетельствуют об отсутствии в именной группе синтаксической проекции числа. В отличие от немаркированных прямых дополнений, аккузативные прямые дополнения в отсутствие показателя множественного числа *-лар* интерпретируются только как имеющие единственное число (19в).

- (19) а. Алсу кызыл алма аша-ды.
Алсу красный яблоко есть-PST
‘Алсу ела {красное яблоко / красные яблоки}’.
- б. Алсу кызыл алма-лар аша-ды.
Алсу красный яблоко-PL есть-PST
‘Алсу ела {*красное яблоко / красные яблоки}’.
- в. Алсу кызыл алма-ны аша-ды.
Алсу красный яблоко-ACC есть-PST
‘Алсу ела {красное яблоко / *красные яблоки}’.

Наконец, в отличие от аккузативных прямых дополнений, немаркированные прямые дополнения не могут контролировать синтаксическую анафору; в частности, они не могут выступать контролерами PRO (20а) или связывать анафоры — рефлексивы и реципроки (20б). Следует заметить, что диагностика контекстов такого рода в татарском языке затруднена: немаркированное прямое дополнение тяготеет к предглагольной позиции, что вынуждает исследователя либо размещать PRO и рефлексивы за глаголом (что для татарского языка является коммуникативно нагруженной опцией), либо прибегать к катафоре. Тем не менее контраст по грамматичности с аналогично составленными примерами, в которых представлено аккузативное прямое дополнение, позволяет заключить, что неприемлемость немаркированного прямого дополнения в качестве контролера синтаксической анафоры действительно связана с его собственными свойствами.

- (20) а. Марат бала-лар-*(ны)_i жибәр-де [PRO_i ук-ырга].
Марат ребенок-PL-ACC посылать-PST учиться-INF
‘Марат отправил детей учиться’.

³ Аналоги примеров (18а—б) с показателем аккузатива неоднозначны в отношении сферы действия прямого дополнения.

- б. Марат бала-*(ны); жибәр-де үзе-нең; ту-ган көн-е-нең бэйрәм-е-нә.
 Марат ребенок-ACC посылать-PST REFL.3-GEN родиться-PART день-3-GEN праздник-3-DAT
 ‘Марат отправил ребенка, на празднование его, дня рождения’.

Итак, аккумулятивные и немаркированные прямые дополнения различаются по своей структуре: дополнения, имеющие статус DP, получают падежное маркирование, а немаркированные дополнения проявляют свойства ИГ малой структуры. Ниже мы рассмотрим два альтернативных анализа вариативного маркирования объекта, предлагавшихся для других тюркских языков, и покажем, что они не могут быть реализованы для татарского языка.

4. Семантические соображения

Альтернативный анализ DOM, базирующийся не на структурных, а на семантических различиях маркированного и немаркированного прямого дополнения, был предложен для турецкого языка в [Еңç 1991] и затем адаптирован для других языков, например для иврита [Danon 2006]. Такой тип анализа предполагает, что маркированное дополнение является специфичным (specific)/определенным/референтным, в то время как немаркированное дополнение не обладает этим свойством. Соответственно, падежное маркирование отражает семантическую характеристику объектной именной группы.

Грамматики татарского языка и исследования, посвященные проблеме падежного маркирования дополнения, также, очевидно, исходят из того, что семантика предопределяет выбор формы прямого дополнения, причем релевантным признаком оказывается определенность: «Если прямое дополнение выражает предмет, уже известный как говорящему, так и слушающему, оно обязательно принимает аффикс винительного падежа... Если прямое дополнение выражает предмет, о котором упоминается впервые, оно обязательно находится рядом с господствующим членом и не принимает никакого аффикса...» [Закиев 1995: 119]. «Когда первое дополнение оформляется морфологически выраженным винительным падежом, речь идет об определенном предмете, а если оно имеет нулевую форму, речь идет о неопределенном, неконкретном предмете» [Вильданова, Гарипов 1988: 39]. В разделе 3 мы видели, что немаркированные дополнения действительно связаны с неопределенной, неспецифичной семантикой. Тем не менее мы полагаем, что анализ в духе [Еңç 1991] не применим к татарскому языку.

Проблематичным для семантической альтернативы является поведение ИК-3 в позиции прямого дополнения. Как было указано выше, такие дополнения обязательно маркируются аккумулятивом. Однако они могут одновременно иметь неопределенную и даже неспецифичную интерпретацию и демонстрировать узкую сферу действия по отношению к другим кванторным группам или операторам, как это представлено в (21а—б). Например, предложение (21а) может иметь две интерпретации: ‘Два конкретных стихотворения Тукая были прочитаны каждым учеником’ или ‘Каждый ученик прочитал по два (каких-либо) стихотворения Тукая’. Аналогично (21б) может значить ‘Есть фотография Алсу, которую Марат не видел’ либо ‘Неверно, что Марат видел (какую-либо) фотографию Алсу’. В обоих примерах доступность второй интерпретации входит в противоречие с основной гипотезой семантического подхода. Поскольку наличие показателя аккумулятива на прямом дополнении не гарантирует референтной/специфичной/определенной интерпретации, семантическая альтернатива должна быть отвергнута.

- (21) а. Һәр укучы Тукай-ның ике шигыр-е-*(н) укы-ды.
 Каждый ученик Тукай-GEN два стихотворение-3-ACC читать-PST
 ‘Каждый ученик прочитал два стихотворения Тукая’ (2 > ∀ или ∀ > 2).
- б. Марат Алсу-ның фотография-се-*(н) күр-ме-де.
 Марат Алсу-GEN фотография-3-ACC видеть-NEG-PST
 ‘Марат не видел фотографии Алсу’ (Neg > ∃ или ∃ > Neg).

Добавим, что и для турецкого языка преимущества семантического подхода не столь однозначны. Гипотеза о специфичности как факторе, регулирующем DOM в турецком языке, как отмечает сама М. Энч, а также Ж. Корнфилт [Kornfilt 1990; 2003; 2008], работает не для всех ИГ, а только для тех, которые в принципе допускают и падежный, и беспадежный варианты. При этом некоторые типы ИГ в турецком языке обязательно должны получать падежное оформление в позиции прямого дополнения: в частности, к ним относятся посессивные ИК-3, а также расщепленные кванторные конструкции, которые оформляются как ИК-3:

- (22) Ali kadın-lar-in iki-sin-*(i) tanı-yor-du.
 Али женщина-PL-GEN два-3-ACC знать-PROG-PST
 ‘Али знал двух из (этих) женщин’ [Enç 1991: (28)].

Насколько можно судить по текстам, маркированные показателем аккузатива ИК-3 в позиции прямого дополнения в турецком языке далеко не всегда специфичны, ср. примеры (23а—в)⁴:

- (23) а. (Контекст: Конечно, он мог бы найти что-нибудь, что бы уронило Адриано в глазах Филиз.)
Adriano'-nun kusur-u-nu aray-acak-ti.
 Адриано-GEN недостаток-3-ACC искать-FUT-PST
 ‘(Он) намеревался искать (какой-нибудь) недостаток Адриано’.
- б. **Kim-se-nin de yuvas-i-ni** yık-ma-m.
 кто-3-GEN NPI гнездо-3-ACC разрушать-NEG.PRS-1SG
 ‘(Я) ничего гнезда не разрушу’.
- в. **Adriano'-nun cevab-i-ni** bekle-me-den lokanta kısm-i-na geç-ti-ler.
 Адриано-GEN ответ-3-ACC ждать-NEG-CONV столовая часть-3-DAT проходить-PST-PL
 ‘Не ожидая ответа Адриано, они прошли в сектор столовой’.

В (23а) аккузативное прямое дополнение находится в сфере действия интенционального предиката и модальности и имеет интерпретацию *de dicto*; такого рода ИГ не являются специфичными в концепции М. Энч и не являются референтными в более привычных терминах. В (23б) прямое дополнение содержит отрицательно-полярную единицу *kimse de* ‘никто’ и тем самым заведомо находится в сфере действия сентенциального отрицания; а специфичные ИГ должны иметь более широкую сферу действия, чем отрицание. Наконец, в (23в) над аккузативным прямым дополнением семантически доминируют интенциональный предикат и отрицание; ИГ *Adriano'nun cevabını* ‘ответ Адриано’ в этом контексте не предполагает никакого референта, в том числе и специфичного.

Таким образом, в турецком языке специфичность может выступать как фактор, определяющий выбор аккузатива, только для части ИГ, а именно для тех, которые в принципе допускают и немаркированную форму. В том случае, когда использование показателя аккузатива с данной ИГ обязательно, аккузатив не связан со специфичностью. Если учесть, что в турецком языке список ИГ, требующих аккузатива вне зависимости от семантических характеристик, формулируется в структурных терминах (это в первую очередь ИК-3), семантическая альтернатива не кажется убедительной не только для татарского, но и для турецкого языка.

5. Позиционная альтернатива

В предыдущем разделе мы показали, что вариативное маркирование объекта в татарском языке не может быть объяснено исключительно в семантических терминах. В данном разделе мы рассмотрим еще одну альтернативную теорию, в которой варьирование падежной и беспадежной форм соотносится со структурной позицией объекта. В соответствии

⁴ Источником примеров (23а—в) является новелла «Ağlama gözlerim» («Не плачьте, мои глаза») турецкого писателя Ханзаде.

с этим подходом немаркированные прямые дополнения располагаются *in situ*, внутри глагольной группы, в то время как аккузативные прямые дополнения претерпевают подъем и оказываются вне глагольной группы. Подобный анализ был предложен, например, для вариативного маркирования объекта в якутском языке [Baker, Vinokurova 2010: 599—602]. Аналитическим вариантом позиционной альтернативы является анализ, предполагающий частичную инкорпорацию («псевдоинкорпорацию») ИГ-дополнения в глагол [Massam 2001; Baker 2009]. Псевдоинкорпорированные и свободные дополнения отличаются не только структурной позицией, но и степенью структурной сложности, что объединяет данный подход с тем, который представлен в этой статье. Однако при анализе с псевдоинкорпорацией синтаксическая структура объекта однозначно коррелирует с его структурной позицией: именные группы малой структуры псевдоинкорпорируются в глагол, именные группы полной структуры покидают глагольную группу.

Позиционный подход правильно предсказывает для татарского языка фиксированную линейную позицию немаркированного прямого дополнения: оно должно располагаться строго в предглагольной позиции, т. е. достаточно низко в структуре глагольной группы (ср. (24)):

- (24) а. Марат бала-га тиз яңа китап укы-ды.
 Марат ребенок-DAT быстро новый книга читать-PST
 ‘Марат быстро прочитал ребенку новую книгу’.
- б. *Марат балага яңа китап тиз укыды.
- в. *Марат тиз яңа китап балага укыды.
- г. *Балага яңа китап Марат укыды.

Однако поведение аккузативных прямых дополнений противоречит позиционной теории: они могут располагаться не только вне, но и внутри глагольной группы, предположительно в той же позиции, что и немаркированные прямые дополнения. В частности, они встречаются правее непрямых дополнений и наречий образа действия, таких как ‘быстро’, которые, как считается, указывают на границу глагольной группы⁵. В этом отношении татарский отличается от якутского, где, как показывают М. Бейкер и Н. Винокурова [Baker, Vinokurova 2010], подобные примеры неграмматичны (ср. якутский пример (25а) [Ibid.: 602] и татарские текстовые примеры (25б—в)⁶).

- (25) а. *Masha turgennik salamaat-y sie-te.
 Маша быстро каша-ACC есть-PAST.3.SG
 ‘Маша быстро съела кашу’⁷.
- б. Тиз-тиз китап-лар-ны актар-ды-м,
 быстро-быстро книга-PL-ACC ворошить-PST-1SG
 интернет-тан төрле мәгълүмат-лар-ны кара-ды-м.
 интернет-ABL разный сведения-PL-ACC смотреть-PST-1SG
 ‘[Я проснулась в холодном поту.] Быстро-быстро книги полистала, из Интернета разные сведения посмотрела’.
- в. Мин бик тиз аны ач-ты-м.
 я очень быстро он.ACC открывать-PST-1SG
 ‘[Тут нам начали раздавать подарки.] Я очень быстро его открыла’.

⁵ Анонимный рецензент отметил, что сопоставление структурной позиции наречия в якутском и татарском языке неправомерно; действительно, более правильным было бы утверждать, что для татарского языка нам не удалось обнаружить таких составляющих, которые бы обязательно располагались левее немаркированного дополнения, но правее маркированного дополнения.

⁶ Татарские примеры (25б—в), а также (28а) ниже взяты из татароязычного сегмента сети Интернет.

⁷ М. Бейкер и Н. Винокурова отмечают, что (25а) возможно только при контрастивном выделении объекта. Очевидно, что в татарских примерах (25б—в) речь о контрастивном выделении не идет.

Таким образом, мы полагаем, что аккумулятивные прямые дополнения в татарском языке могут располагаться в своей базовой позиции, внутри глагольной группы.

Другая гипотеза позиционного подхода состоит в том, что немаркированные дополнения имеют более тесную связь с глаголом, чем прочие именные группы в аргументных позициях [Massam 2001; Dayal 2011; Baker 2009]. В частности, предполагается, что специфическая семантика псевдоинкорпорированных дополнений (узкая сфера действия, числовая нейтральность) связана с тем, что они не заполняют аргументной позиции при глаголе, а скорее модифицируют значение глагола, лишая его при этом соответствующей валентности.

Что касается татарского языка, то едва ли немаркированные прямые дополнения образуют нечто вроде коллокации с глаголом. Намного более подходящим кандидатом на то, чтобы считаться (псевдо)инкорпорированным в глагол, — это именной компонент сложного предиката (см. раздел 2). Во-первых, примечательно его поведение в каузативной конструкции. Если каузативная конструкция образуется на базе непереходного сложного предиката с переходным легким (полувспомогательным) глаголом, каузируемый получает аккумулятив; таким образом, именной компонент сложного предиката не участвует в конкуренции за падеж (26а). Напротив, при каузативизации переходного глагола каузируемый оформляется аблагивом, даже если прямое дополнение исходного глагола не маркировано (26б—в). По-видимому, это свидетельствует о том, что именной компонент сложного предиката и немаркированное прямое дополнение занимают различные структурные позиции в глагольной области.

- (26) а. Укыгучы укучы-ны/*-дан хезмэт ит-тер-де.
 учитель ученик-ACC/*-ABL труд делать-CAUS-PST
 ‘Учитель заставил ученика трудиться’.
- б. Мин Марат-тан/*-ны китап-ны ал-дыр-ды-м.
 Я Марат-ABL/*-ACC книга-ACC брать-CAUS-PST-1SG
 ‘Я заставил Марата купить книгу’.
- в. Мин Марат-тан/*-ны китап ал-дыр-ды-м.
 Я Марат-ABL/*-ACC книга брать-CAUS-PST-1SG
 ‘Я заставил Марата купить книгу/книги’.

Во-вторых, именные компоненты сложных предикатов не могут составлять сферу действия фокусных частиц, например *-гына*, в то время как немаркированные прямые дополнения допускают фокусирование при помощи данной частицы. Так, (27а) допускает прочтение, при котором фокусируется только прямое дополнение, а также последовательный ряд интерпретаций, связанных с экспансией ремы. В (27б) именной компонент сложного предиката, несмотря на позицию фокусной частицы, входит в ее сферу действия только вместе с легким глаголом; экспансии ремы на глагольную группу не происходит.

- (27) а. Эти-м миңа машина гына ал-ган и-кән!
 отец-1SG я.DAT машина EMPH брать-PF AUX-PF
 ‘Оказывается, отец купил мне машину!’
 ‘Оказывается, отец мне купил машину!’
 ‘Оказывается, отец купил мне машину!’
 ‘Оказывается, отец купил мне машину!’
- б. Эти-м миңа машина бүләк кенә ит-кән и-кән!
 отец-1SG я.DAT машина подарок EMPH делать-PF AUX-PF
 ‘Оказывается, отец мне машину подарил!’
 *‘Оказывается, отец мне подарил машину!’

Наконец, в-третьих, немаркированные прямые дополнения могут выступать антецедентами текстовой анафоры (хотя и, как мы видели выше, неспособны к связыванию или контролю синтаксической анафоры), см. (28а). Напротив, именные компоненты сложных

предикатов в подобных конструкциях выступать не могут: например, в (28б) анафорическое местоимение отсылает к ситуации ‘заставлять студента работать’, а не собственно к *хезмэт* ‘работа’.

- (28) а. Сез **китап-лар** ук-ырга ярат-а-сыз
 вы книга-PL читать-INF любить-PRS-2PL
 һәм **а-лар-ны** сакла-п тот-а-сыз.
 и он-PL-ACC беречь-CONV держать-PRS-2PL
 ‘Вы любите читать книги и храните их бережно’.
- б. Укытучы укучы-ны **хезмэт** ит-тер-де.
 учитель ученик-ACC труд делать-CAUS-PST
 Ул бик файдалы эш.
 он очень важный дело
 ‘Учитель заставил ученика трудиться. Это очень важно’.
 *‘Учитель заставил ученика трудиться. Он (труд) очень важен’.

Таким образом, татарские данные не поддерживают позиционный подход к вариативному маркированию объекта: с одной стороны, аккузативные прямые дополнения могут располагаться *in situ*, в пределах глагольной группы; с другой стороны, немаркированные дополнения также не демонстрируют синтаксических или семантических признаков того, что они располагаются в особой структурной позиции, отличной от базовой позиции дополнения.

6. Структура именной группы, позиция и семантика

В данной статье предлагается анализ вариативного маркирования объекта в татарском языке в терминах структурных характеристик соответствующей именной группы: ИГ полной структуры (DP) получают падеж, а ИГ неполной структуры (SN) остаются беспадеежными. Тем самым, к типологии факторов — лицензоров DOM добавляется еще один — категориальный статус именной группы.

Мы также рассмотрели две возможные аналитические альтернативы — семантический подход, увязывающий падежное маркирование с такими семантическими характеристиками ИГ, как определенность / референтность / специфичность, и позиционный подход, предполагающий, что маркированные и немаркированные прямые дополнения располагаются в разных структурных позициях. На основании представленных в статье языковых данных эти варианты анализа, предлагавшиеся для других тюркских языков, были отвергнуты для татарского языка.

Интересно, однако, что оба рассмотренных подхода демонстрируют частичное пересечение с нашей гипотезой в своей объяснительной силе. В частности, позиционный подход, располагающий немаркированное прямое дополнение в базовой позиции [Baker, Vinokurova 2010] делает те же предсказания о его синтаксических свойствах, что и наша гипотеза. Семантический подход верно характеризует татарское немаркированное прямое дополнение как неопределенное / нереперентное / неспецифичное в тех случаях, когда оно находится в сфере действия других операторов, причем его конкретный референциальный статус, очевидно, определяется типом этих операторов. Иными словами, немаркированное прямое дополнение всегда находится в своей базовой позиции и имеет соответствующую ей (т. е. наиболее узкую из всех возможных) сферу действия.

Легко видеть, что предлагаемая в данной статье гипотеза о структурных коррелятах DOM лежит в основе как семантически, так и позиционно ориентированных моделей. Именные группы неполной структуры, у которых отсутствует функциональная проекция DP, оказываются лишены связанных с данной проекцией семантических и синтаксических свойств: способности к видимому (синтаксическому) передвижению, меняющему их линейную позицию; способности к скрытому (логическому) передвижению, позволяющему получить

более широкую сферу действия, чем та, которая определяется их исходной позицией; способности к получению падежа.

Если наша гипотеза верна, то отличия между татарским и якутским языком определяются не конкретным лицензором DOM (категориальный статус ИГ в татарском и структурная позиция в якутском), а правилами приписывания аккузатива: в татарском языке объектная DP получает падеж *in situ*, в то время как в якутском языке этот процесс связан с обязательным подъемом из глагольной группы. Турецкий материал также на первый взгляд допускает интерпретацию, при которой семантическая специфика немаркированных прямых дополнений выводима из их неспособности к передвижению в логической структуре. Конечно, в обоих случаях необходимы дополнительные исследования, однако нельзя не отметить, что предлагаемый нами подход позволяет единообразно объяснить феномен вариативного падежного маркирования объекта в трех рассмотренных тюркских языках. Как кажется, такой подход при прочих равных предпочтительнее гипотезы о том, что сходные явления близкородственных языков имеют принципиально разные источники и мотивированы разными синтаксическими и семантическими оппозициями.

Наконец, возвращаясь к проблеме, с которой мы начали обсуждение, — проблеме структуры именной группы — можно заключить, что татарские данные свидетельствуют в пользу единой модели устройства ИГ, в которой различаются как минимум проекция лексического существительного и функциональная оболочка, отвечающая за ее референциальные и квантификационные свойства. Наличие или отсутствие в языке артикля не оказывает существенного влияния на синтаксическую репрезентацию семантической информации в именной группе, а значит, скорее является фактом, характеризующим лексикон, чем представляет из себя макропараметр, предопределяющий устройство грамматики.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1 — 1-е лицо, 2 — 2-е лицо, 3 — 3-е лицо, ABL — аблатив, ACC — аккузатив, ATR — атрибутивизатор, AUX — вспомогательный глагол, CAUS — каузатив, CONV — конверб, DAT — датив, EMPH — эмфатическая частица, FUT — будущее время, GEN — генитив, INF — инфинитив, LOC — локатив, NEG — отрицание, NMN — номинализатор, NPI — отрицательно-полярная единица, PART — причастие, PF — перфектив, PL — множественное число, PROG — прогрессив, PRS — презенс, PST — прошедшее время, REFL — рефлексив, SG — единственное число.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Вильданова, Гарипов 1988 — Вильданова Н. Г., Гарипов Т. М. Один нулевой падеж или нулевые формы разных падежей? // Советская тюркология. 1988. № 4. С. 36—41. [Viľdanova N. G., Garipov T. M. One zero case or zero forms of different cases? *Sovetskaya tyurkologiya*. 1988. No. 4. Pp. 36—41.]
- Гращенко 2007 — Гращенко П. В. Изафетная конструкция: многофакторный анализ // Мишарский диалект татарского языка. Очерки по синтаксису и семантике. Казань: Магариф, 2007. С. 83—114. [Grashchenkov P. V. Ezafe construction: multivariate analysis. *Misharskii dialekt tatarskogo yazyka. Ocherki po sintaksisu i semantike*. Kazan: Magarif, 2007. Pp. 83—114.]
- Закиев 1995 — Закиев М. З. Татарская грамматика. Т. III. Синтаксис. Казань: Татарское книжное издательство, 1995. [Zakiev M. Z. *Tatarskaya grammatika. T. 3. Sintaksis*. [Tatar grammar. Vol. 3. Syntax]. Kazan: Tatarskoe Knizhnoe Izdatel'stvo, 1995.]
- Закиев (ред.) 1993 — Закиев М. З. (ред.). Татарская грамматика. Т. II. Морфология. Казань: Татарское книжное издательство, 1993. [Zakiev M. Z. (ed.). *Tatarskaya grammatika. T. II. Morfologiya*. [Tatar grammar. Vol. II. Morphology]. Kazan: Tatarskoe Knizhnoe Izdatel'stvo, 1993.]
- Лютикова 2010 — Лютикова Е. А. К вопросу о категориальном статусе именных групп в русском языке // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2010. № 9. С. 36—76. [Lyutikova E. A. On the categorial status of noun phrases in Russian. *Vestnik Moskovskogo Univ. Ser. 9: Filologiya*. 2010. No. 9. Pp. 36—76.]

- Тестелец 2014 — Тестелец Я. Г. Структура именных конструкций и проблема чередования падежей в адыгских языках // *Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика*. СПб.: Алтейя, 2014. С. 536—551. [Testelets Ya. G. The structure of noun phrases and the problem of case alternation in Circassian languages. *Yazyk. Konstany. Peremennyye. Pamyati Aleksandra Evgen'evicha Kibrika*. St. Petersburg: Aleteiya, 2014. Pp. 536—551.]
- Abney 1987 — Abney S. *The English noun phrase in its sentential aspect*. PhD thesis. Cambridge (MA): Massachusetts Institute of Technology, 1987.
- Baker 1985 — Baker M. The Mirror Principle and morphosyntactic explanation. *Linguistic Inquiry*. 1985. Vol. 16. Pp. 373—416.
- Baker 2009 — Baker M. Is head movement still needed for noun incorporation? *Lingua*. 2009. Vol. 119. Pp. 148—165.
- Baker, Vinokurova 2010 — Baker M., Vinokurova N. Two modalities of Case assignment: Case in Sakha. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2010. Vol. 28. Pp. 593—642.
- Bošković 2005 — Bošković Ž. On the locality of left branch extraction and the Structure of NP. *Studia Linguistica*. 2005. Vol. 59. No. 1. Pp. 1—45.
- Bošković 2008 — Bošković Ž. What will you have, DP or NP? *Proceedings of the 37th Annual meeting of the North East linguistic society*. Elfner E., Walkow M. (eds). Amherst (MA): GLSA, 2008. Pp. 101—114.
- Bošković 2009 — Bošković Ž. More on the no-DP analysis of article-less languages. *Studia Linguistica*. Vol. 63. No. 2. Pp. 187—203.
- Bošković 2012 — Bošković Ž. On NPs and clauses. *Discourse and grammar: From sentence types to lexical categories*. Arewendort G., Zimmermann T. E. (eds). Berlin: Mouton de Gruyter, 2012. Pp. 179—242.
- Bošković, Şener 2014 — Bošković Ž., Şener S. Turkish NP. *Crosslinguistic studies on nominal reference: with and without articles*. Cabredo Hofherr P., Zribi-Hertz A. (eds). Leiden: Brill, 2014. Pp. 102—140.
- Danon 2006 — Danon G. Caseless nominals and the projection of DP. *Natural language and linguistic theory*. 2006. Vol. 24. Pp. 977—1008.
- Dayal 2011 — Dayal V. Hindi pseudo-incorporation. *Natural language and linguistic theory*. 2011. Vol. 29. Pp. 123—167.
- Enç 1991 — Enç M. The semantics of specificity. *Linguistic Inquiry*. 1991. Vol. 22. Pp. 1—26.
- Engelhardt, Trugman 1998 — Engelhardt M., Trugman H. D as a source of adnominal genitive in Russian. *Formal approaches to Slavic linguistics*. Bošković Ž., Franks S., Snyder W. (eds). Ann Arbor (MI): Michigan Slavic Publications, 1998. Pp. 114—133.
- Kagan, Pereltsvaig 2011 — Kagan O., Pereltsvaig A. Syntax and semantics of bare NPs: Objects of intensive reflexive verbs in Russian. *Empirical Issues in syntax and semantics*. Bonami O., Cabredo Hofherr P. (eds). 2011. Vol. 8. Pp. 221—237.
- Kornfilt 1990 — Kornfilt J. Remarks on headless partitives and case in Turkish. *Grammar in progress; GLOW essays for Henk van Riemsdijk*. Mascaró J., Nespors M. (eds). 1990. Vol. 30. Dordrecht: Foris. Pp. 285—303.
- Kornfilt 2003 — Kornfilt J. Scrambling, subscrambling, and case in Turkish. *Word order and scrambling*. Karimi S. (ed.). Oxford: Blackwell, 2003. Pp. 125—155.
- Kornfilt 2008 — Kornfilt J. DOM and two types of DSM in Turkish. *Differential subject marking*. De Hoop H., de Swart P. (eds). Dordrecht: Springer, 2008. Pp. 79—111.
- Massam 2001 — Massam D. Pseudo incorporation in Niuean. *Natural language and linguistic theory*. 2001. Vol. 19. Pp. 153—197.
- Pereltsvaig 2006 — Pereltsvaig A. Small nominals. *Natural language and linguistic theory*. 2006. Vol. 24. Pp. 433—500.
- Pereltsvaig 2007 — Pereltsvaig A. On the universality of DP: a view from Russian. *Studia Linguistica*. 2007. Vol. 61. No. 1. Pp. 59—94.
- Pereltsvaig 2013a — Pereltsvaig A. On number and numberlessness in languages without articles. *Proceedings of BLS 37*. Berkeley (CA): University of California, 2013. Pp. 300—314.
- Pereltsvaig 2013b — Pereltsvaig A. On number and numberlessness in languages with and without articles. *Crosslinguistic studies on noun phrase structure and reference*. Cabredo Hofherr P., Zribi-Hertz A. (eds). Leiden: Brill, 2013. Pp. 52—72.
- Pereltsvaig 2013c — Pereltsvaig A. Noun phrase structure in article-less Slavic languages: DP or not DP? *Language and Linguistics Compass*. 2013. Vol. 7. No. 3. Pp. 201—219.
- Progovac 1998 — Progovac L. Determiner phrase in a language without determiners. *Journal of Linguistics*. 1998. Vol. 34. Pp. 165—179.

-
- Rutkowski 2002 — Rutkowski P. Noun/pronoun asymmetries: evidence in support of the DP hypothesis in Polish. *Jezikoslovlje*. 2002. Vol. 3. Pp. 159—170.
- Trenkić 2004 — Trenkić D. Definiteness in Serbian/Croatian/Bosnian and some implications for the general structure of the nominal phrase. *Lingua*. 2004. Vol. 114. Pp. 1401—1427.
- Willim 1998 — Willim E. On the DP-hypothesis in Polish, an article-less language. *Projections and mapping: Studies in syntax*. Stalmaszczyk P. (ed.). Lublin: Folium, 1998. Pp. 137—158.
- Willim 2000 — Willim E. On the grammar of Polish nominal. *Step by step: Essays on minimalist syntax in honor of Howard Lasnik*. Martin R., Michaels D., Uriagereka J. (eds). Cambridge (MA): MIT Press, 2000. Pp. 319—346.
- Zlatic 1997 — Zlatic L. *The structure of the Serbian noun phrase*. Doct. diss. Austin: Univer. of Texas at Austin, 1997.

Статья поступила в редакцию 29.09.2014.